

КОНЦЕПТ «ГОРА» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Ахматова М.А.

ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия (360004, КБР, Нальчик, ул. Чернышевского, 173), e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

В данной статье рассматривается пространственный сегмент «гора» в текстах карачаево-балкарского нартского эпоса. Пространство, отраженное в языковой картине мира карачаевцев и балкарцев, представлено рядом ключевых пространственных сегментов, одним из которых является гора. При анализе данного концепта, мы исходим из понимания категории пространства как культурной универсалии, которая находит отражение в человеческом мирозерцании и играет огромную роль в восприятии человеком окружающей действительности. Внешний мир понимается и строится по отношению к центру, символом которого выступает гора Минги тау – священное место, зона духовной силы. В эпосе гора, как один из основных элементов пространства, воспринимается как сакральное место, граница освоенного пространства, отличительная черта территории. В нартском эпосе в репрезентации концепта «гора» принимают участие, как различные лексические единицы, так и некоторые соматизмы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, нартский эпос, пространство, концепт, репрезентация, сакральное, профанное, соматизм.

CONCEPT «MOUNTAIN» IN KARACHAY-BALKAR NART EPIC

Akhmatova M.A.

Kabardin-Balkar State University named after H.M. Berbekov. (360004, KBR, Nalchik, 173, Chernyshevskystreet), e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

This article deals with the spatial segment «mountain» in the texts of Karachay-Balkar Nart epic. A space, reflected in the language picture of the world of Karachays and Balkars is depicted by a number of key space segments. One of them is a mountain. Analyzing this concept, we understand category of space as a cultural universal which is reflected in human's world view and plays an important role in human's perception of the environment. The outside world is understood to the centre, the symbol of which is Mingi tau is the most holy, spiritual power. A mountain is one of the main elements of space, it is considered as a sacral place, zone of spiritual power, the boundary of developed space, characteristic feature of the territory. Different lexical units and some somatisms take part in the representation of the «mountain» concept in the Nart's epos.

Keywords: Karachay-Balkar language, Nart epic, space, concept, representation, sacred, profane, somatism.

Эпический текст представляет интерес для лингвистической науки в различных аспектах, особенно в связи с развитием таких направлений, как лингвокультурология, когнитивизм, для которых релевантны концептуализация и языковая картина, особенно национальная языковая картина мира. Нами ранее были предприняты попытки рассмотреть интертекстуальные особенности карачаево-балкарского нартского эпоса [2], а также концептов «путь» [3], «сердце» [1]. В данной статье нами предпринимается попытка рассмотреть основные характеристики концепта «гора», являющегося неотъемлемым атрибутом карачаево-балкарского нартского эпоса.

Среди базовых категорий, на которых строится вся система человеческих знаний, отражающих картину мира нации, категория пространства имеет первостепенное значение, что отмечается в специальных филологических исследованиях. Так, например, по Ю.М.

Лотману, «... семантика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [8, с. 205]. Пространство в различных культурах воспринимается по-разному. Как пишет Ю.С. Степанов, «... обращение с пространством – определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране моделями» [9, с. 8].

При анализе рассматриваемого феномена мы исходим из понимания категории пространства как культурной универсалии, которая находит отражение в человеческом мирозерцании и играет огромную роль в восприятии человеком окружающей действительности. Восприятие пространства зависит от мировоззрения, складывающегося в определенную эпоху, детерминированного уровнем развития материальной культуры, материальными и нравственными ценностями и др. Все это находит соответствующую реализацию в языке.

Очевидным представляется тот факт, что человек в первую очередь начинает осмыслять геопространство, из которого он вычленяет различные объекты, познание которых сыграло важную роль в формировании национального миропонимания. Процесс освоения внешнего мира сопровождается присвоением ключевым пространственным объектам дополнительных функций и символического содержания, а также позволяет беспрепятственно ориентироваться в нем и продолжать жизнедеятельность. Пространство, отраженное в языковой картине мира карачаевцев и балкарцев, представлено рядом ключевых пространственных сегментов (гора, равнина, плато и др.). Они являются микроконцептами по отношению к макроконцепту «пространство».

Как видно из текстов нартского эпоса, носители карачаево-балкарского языка рассматривают горные образования как главную характеристику региона и место единения этноса. Архаичное мифопоэтическое мышление предполагает деление пространства. С одной стороны, это сакральное пространство, т.е. центр, обладающий абсолютной реальностью, с другой – профаническое периферийное пространство. Внешний мир понимается и строится по отношению к центру, символом которого выступает гора – священное место, зона духовной силы. По мере удаления от центра сакральность убывает, по мере движения от периферии к центру пространство становится наиболее сакральным, значимым.

Мифопоэтическое пространство неотделимо от времени и от предметов, наполняющих его. Пространству надлежит быть познанным, для чего герой эпоса проделывает путь, везде преодолевая некую границу между «своим» и «чужим» пространством. Пространство и время в эпосе фрагментарны, дискретны и неотделимы от изображаемых действий героев,

событий, эпизодов, обстоятельств, т.е. они ситуативны, прикреплены к конкретным ситуациям, обстоятельствам. Нет пространства вне вещей и событий, как и нет абстрагированного времени вне событий.

В карачаево-балкарском нартском эпосе пространство представляет собой бесконечную протяженность, которая не исключает его членимость, ассоциации целого формируются в единении его частей: языковое сознание четко выделяет отдельные его сегменты, структурируя и наделяя их смыслом [4]. В текстах нартского эпоса представлены образы замкнутого и открытого, земного и космического, реального и воображаемого пространства и пространственная организация текстов связана с реальной географией. Пространство имеет центр и удаленные от него области. Вселенная представлена отдельными мирами, сторонами света, слоями неба, что делало мир принципиально познаваемым. Земля нартвов имела более или менее четко обозначенные границы и маркеры. Это гора-прародительница (Минги тау), сакральный центр территории, которая воплощает идею вертикали, связывающую воедино три мира [5].

В рассматриваемом нами эпосе архаичная модель мира предполагает наличие центра освоенного пространства – мировую гору. В карачаево-балкарском нартском эпосе образ мировой горы соотносится с реальной горой Эльбрус, или как его называют карачаевцы и балкарцы – *Минги тау* «Вечная гора». Она характеризуется следующим образом: а) мировая гора, у подножья которого жили нарты; б) на ее вершине имеется источник бессмертия; в) это место деятельности нартского кузнеца Дебета; г) Минги тау является священным местом, где вырос и окреп один из главных героев эпоса Карашауай и (по некоторым текстам) где родился крылатый конь Гемуда.

Для карачаево-балкарской культуры весьма релевантна сакрализация горного пространства. Согласно древним верованиям карачаевцев и балкарцев языческие (тенгрианские) боги – Жер Тейриси (*Тейри Земли*), Суу Тейриси (*Тейри Воды*), Кайнар Тейри (*Тейри Солнца*), Кёк Тейри (*Тейри Неба*), а также их посланники – обитали в высоких горах, где они собирались: *Токъсан Тейри токъсан таугъа къондула, Къазман тауда, Дых тауда олтурдула. Алларына нартла бары келдиле, Атдан тюшюн, тейрилеге салам бердиле. Къарт Элия таягъын кётюргенди, Сора нартлагъа былай дегенди: - Бизни сизге Кёк Тейриси ийгенди, Кючюгюзню ол сынаргъа сюйгенди* «Девяносто Тейри сели на вершины девяносто гор, На гору Казман и гору Дых. К ним пришли все нарты и поздоровались с ними. Старый Элия поднял свой посох и сказал нартам: - Нас к вам отправил Тейри Неба, чтобы испытать вашу силу».

Образование гор связано с космизацией Вселенной, т.е. превращением Хаоса в Космос. Судя по текстам эпоса, между нартами начались междоусобицы, в результате чего

некоторые из них погибли и превратились в горы, что является свидетельством того, что в космологии гора изображается в антропоморфном коде: *Бир бирлери бла сермешиуде къарыулары бошалып, кёбюсю къырылгъанды, бир бирлери уа таула болуп къалып, бюгюн да атлары айтылады: Машукъ, Минги тау, Тегин, Казбек, Ушта* «Враждуя друг с другом, они (нарт) обессилили, и многие из них погибли. А некоторые из них превратились в горы. Их имена известны и поныне: Машук, Минги тау, Тегин, Казбек, Ушта».

Образование пространства в народном сознании также связывается с деятельностью героев эпоса: *Къарашауай Гемуда бла атланды, Ычхынмазгъа иерине къапланды. Ура, бере, кёз кёрмезге бардыла, Тик къаягъа жетип, ёшюн урдула. Тик къаяны жарып эки этдиле, - Черек аууз ма бу болсун, - дедиле. Туягъы бла Чирик кёлню ачды, Солууу бла къадау таулары чачды. Чегем тарны аны кючю жаргъанды, Чынгылындан чучхурла тамдыргъанды. Ызы бла Тихтен таугъа келдиле, Суу агъарча эки юлюнге бёлдюле. Сыртха келип, Минги таугъа къаралла, Юсю бла секирирге маралла. Бир секирип Минги таугъа жетдиле, Юсю бла ол жанына кетдиле. Тёппеси бла ызларына ётдюле, Туякълары тийип айры этдиле* «Однажды Карашауай на Гемуде в путь отправился, Чтобы не упасть к седлу припал. Долго скакали, в неоглядные дали уехали, Достигнув крутой скалы, (Гемуда) грудью ее ударил. Расколол крутую скалу на две части. Пусть это будет Черекским ущельем, - сказали. От удара копыта (Гемуды) озеро Чирик-кёл образовалось. Своим дыханием он вековые горы разрушил. Теснина Чегема от его удара образовалась, И потекли на ней водопады. Затем поскакали они к Тихтен тау. Рассекли эту гору на две части, чтобы река могла течь. Поднялись на гору, посмотрели на Минги тау, Через нее решили перепрыгнуть. Одним прыжком Минги тау достигли. Перепрыгнули через него на другую сторону. (Потом) через вершину назад перепрыгнули, Но (конь) задел копытом вершину, и образовалась седловина (Минги тау)». На это указывается и в некоторых работах карачаево-балкарских лингвистов, в частности на деятельность богатырского коня по созданию пространства [6; 7].

В архаичной модели мира членение пространства связано с базовыми оппозициями «свой» - «чужой», которые соотносятся с древнейшими архетипами сознания. В сознании карачаевцев и балкарцев свое пространство являлось освоенной, безопасной территорией, а неосвоенная, неизвестная, чужая территория считалась опасной. Между этими пространствами существовала граница, в роли которой выступала гора Къуф тау, за которой жили эмегены: *Сора нарт Сосурукъ жолгъа атланды. Эмегенле жашагъан Къуф таулагъа жетип, аланы бирлери жашагъан бир улуу дорбундан тютюню чыгъа тургъанын кёрдю* «И тогда нарт Сосурук отправился в дорогу. Когда он доскакал до Куфских гор, где жили эмегены, увидел дым, который валил из пещеры, где жил один из них».

В карачаево-балкарском нартском эпосе в репрезентации концепта «гора» участвуют такие лексические единицы как *жалпакъ* «плато, плоскогорье; пологий склон», *бугъей* «расщелина; трещина в леднике», *жютю* «острая, коническая или другой формы вершина чего, пик», *ыран* «ступенька на склоне скалы», *къая* «скала, утёс», *тапка* «выступ», *хубур*, *чыран* «ледник (в горах)», *тёи* «бугор, холм, пригорок, возвышение», *дуптур* «холм, бугор, возвышенность», *быгъын* «область между бедром и ребром» и т.д.

Айры «седловина (горы)»: *Минги тауну айрысында жерни къазып, бир ариу чокъуракъ суу чыгъаргъанды* «(Он) выкопал в седловине Минги тау яму, и оттуда забил чистый, прозрачный ключ».

Аууш «горный перевал» - на вершине горы или скалы место (дорога) для перехода из одной стороны на другую. *Алай ауушдан ауа туруп, желден ауалмай, бек къыйналдыла* «Из-за сильного ветра испытал трудности, когда шел через перевал».

Бугъей «расщелина; трещина в леднике»: *Узалып, тау бугъейлеге аузун салып, ичин, сууларын къурутханды* «Он пил воду из трещин ледников».

Дорбун «пещера» - широкая дыра в земле или в скале (Бугъоулу Дорбун, Накъут Дорбун): *Бурун, сибил нартланы заманында, Минги тауну тюбюнде, Накъут-Дорбун деп, сау эл ичине сыйынган, накъуту, налмазы, джези, инджиси, алтыны, темири болгъан, ичи кече-кюн да джым-джым джылтыратып, джаныб, кёзю алдагъан бир джасанма дорбун болгъанды* «В старину, во времена нарттов, у подножья Минги тау была пещера Накут-Дорбун, в которой мог поместиться аул. В ней хранились золото, железо, драгоценные камни, бронза нарттов. Пещера радовала глаз сиянием (этих драгоценностей)». В текстах эпоса *дорбун* бывает только *къая дорбун* «скалистая пещера»: *Пелиуан Алауган къая дорбунда жашайды, Ой, алай жашайды, Апсатыны кийик малларын, кесини маллары кибик ашайды, Ой, ашайды* «Пелиуан Алауган в пещере одной скалы живет, Ой, так живет. Диких зверей Апсаты (он), словно своих животных, ест, Ой, так ест».

Дуптур «холм, бугор; курган; возвышенность»: *Эмегенле дуптурланы, алып-алып, ата элле, Асыры ачыудан, къая ташла къаба элле* «Эмегены бросались холмами (глыбами), от злости кусали скальные камни».

Жалпакъ «Плато, плоскогорье; пологий склон»: *Ол бугъа Чегем тарында жатып, кюнчыгъыш жанында Холам, Бызынгы тарларыны, кюнбатыш жанында Басхан, Минги тау жалпакъларыны кырдыкларын отлай, къара топуракъ этгенди* «Этот вол лежал в ущелье Чегем, а пасся на востоке Хуламского и Безенгийского ущелий, на западе Баксанского плато, и на склонах Минги тау, где превратил все в песок».

Жар «обрыв, круча, яр» - крутой склон у берега реки или моря, холма, возвышенности. *Сакълай туруп, кечелени биринде, бир акъсакъ тюлкючук чаба, жорта*

келип, ол шахарны суу келген бир жарны кыйырында тохтап, бир затны кемирип башлаганды «Однажды вечером, одна хромая лисичка, прибежав, остановилась у края обрыва и начала что-то грызть». Жар может быть бездонным; его можно латать: Тауну тегерегин да тау жютюле кюришалапдыла, тюбю уа – кёзкёрмез, тюпсюз жар. Ары сугъун, бери айландырып, жарны жёрмелеп, жасау эте эди, дейди «Гору окружали одни горные пики, внизу – бездонная круча. Кто-то латал обрыв, говорят».

Жютю «острая, коническая или другой формы, вершина чего, пик»: Хурзук башында, кюш жеталмаз деген бир жерде, тау жютюню тюз тейпесинде чыммакь кала жылтырайды «В Хурзуке на вершине горы, куда не может добраться даже орел, сверкает балый замок».

Кая «скала, утёс»: Донгат каяны башындан Капчагай каяны башына киши секирип атлапмайды «Никто не может перепрыгнуть с вершины скалы Донгат на вершину скалы Капчагай». На языке карачаево-балкарского эпоса кая «скала, утёс» может быть кысыр (кая) «монолитная, цельная», тик 2 (кая) «обрывистый, крутой», таракь-таракь (кая) «гребнистый», гыйы 2 (кая) «глыба»: Нартла баргандыла да, Архыз башында бир кысыр каяны ышыгына кысылгандыла «Нарты на верховьях Архыза дошли до скалы». Келе келип, тик каядан жыгылган эди, Тебе чархы суу таишага жайылган эди «Вот так шел он и с крутой скалы свалился, Его огромное тело о речные камни разбилось». Жабакылы жары тай, улуу кара агачны, тенгизлени, терен тарланы, таракь-таракь каяланы башлары бла, акь булутланы ичлерин ары-бери жыра, келе келип, бир дорбунну аллында шош тюшдю «Неказистый жеребенок, разрывая белые облака, летел над дремучими лесами, морями, глубокими ущельями, горами и медленно опустился около одной пещеры». Ала Минги тауну тейпесин кызып, белкау этип, ачуланып, гыйы-гыйы каяланы кюбара турган Желмауузну керидиле «Они увидели на вершине Минги тау Джелмаууза, который, сердито срывая глыбы скал».

Тапка «выступ»: Ол (тюкю) кечеле калган жерле – кая тапкала, дейди «Места, где ночует лиса – скальные выступы, говорит».

Тей «бугор, холм, пригорок, возвышение» - возвышающееся над землей, похожее на низкую гору, т.е. местность в форме горы: Сюнгюлерин ала (Карашауай эм Гемуда) айга бурдула, Сызып ийип, ай тейлеге урдула «(Карашауай и Гемуда) повернули свои копья к луне, И выстрелили по лунным возвышенностям».

Хубур - Ала кая хубурлада, тау ыранлада, жилин ётмез калын агачлада кеп журюдюле, сора кара тюкюню ызын тапдыла, ызы бла кесин кердюле «Они долго ходили по скалам, по выступам гор, по непроходимым лесам и нашли следы черной лисы, а следом и саму ее».

Ыран «ступенька на склоне скалы»: Ол (тюлкю) жюриген жолну сакъладыла, дейди, Ол жюриген жерле - къая ыранла, дейди «Они сторожит тропинку, по которой ходит лиса, говорит, Места, где она ходит – ступеньки на склоне скалы, говорит».

Ышыкъ - «место, защищенное от ветра, укрытие»: Нартла баргъандыла да, Архыз башында бир кысыр каяны ышыгына кысылгандыла «Нарты пришли и укрылись в скале в Архызе».

В обозначении пространственных реалий, в данном случае концепта «гора», активно участвуют названия частей тела человека (соматизмы) – *баш* «голова», *бел* «пояс», *эрин* «губа», *къол* «рука», *аууз* «рот», *аякъ* «нога», *боюн* «шея», *аякъ* «нога», *сырт* «спина», *аркъа* «спина», *жух* «рожа», *быгъын* «область между бедром и ребром» и др. Каждая из них ассоциируется с частью определенного пространственного объекта. Например, *баш* – тауну башы (вершина горы), *каяны башы* (верхушка скалы), *жерни башы* (поверхность земли), *бел* «середина чего-л.» - *тауну бели* «середина горы» и др.: *Ол чолпуну дуняда бир жан тапмазлай, нартла алай жашырыргъа излеп, Амгата суу башланган жерде, тик каяны эринде къала ишлерге оноулашхандыла* «Чтобы никто на свете не смог найти этот ковш, нарты решили построить на уступе крутой скалы, расположенной у истоков реки Амгата».

Быгъын «область между бедром и ребром» - *Къазман тауну быгъынларын ойдурду, Гемудасын тау кырдыктан тойдурду* «После они разрушили склоны Казман тау, Альпийскими травами накормил (Карашауай) своего Гемуду».

Жух «выступ (скалы)»: *Садакъларын кая жухлагъа такъдыла, дейди, Аланы жюрек кайгылары къара тюлкюдю, дейди «Оружье повесили на выступы скал, Их сердечная тревога – черная лиса, говорит». Чарх, аллындагъы кая жухланы оя, ташланы, юзmezча ууата, келип Сосурукъну тобукъларына тийди, Сосурукъну эки тобугъун сындырды* «Колесо покатилося, разрушая скалы, превращая камни в песок, и, ударившись о колени Сосурука, перебило ему колени».

Эрин «край, уступ (скалы, яра)»: *Ол чолпуну дуняда бир жан тапмазлай, нартла алай жашырыргъа излеп, Амгата суу башланган жерде, тик каяны эринде къала ишлерге оноулашхандыла* «Чтобы спрятать ковш от чужих так, чтобы никто из них не смог его найти, нарты решили построить крепость на вершине крутой скалы, расположенной у истоков реки Амгата».

Таким образом, концепт «гора» как один из элементов пространства, воспринимается как сакральное место, граница освоенного пространства. В репрезентации концепта «гора» участвуют как лексические единицы (айры, жалпакъ, кая, жар, жютю, ыран, ышыкъ и др.), так и некоторые соматизмы (быгъын, жух, эрин).

Список литературы

1. Ахматова М.А. Репрезентация концепта «жюрек» в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 1 (63). – С. 239-243.
2. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 2 (293). – С. 68-70.
3. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 5 (73). – С. 79-86.
4. Бардамова Е.А. Пространство и время в языковой картине мира бурят: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 2011. – 50 с.
5. Гемуев И.Н. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 227 с.
6. Кетенчиев М.Б. Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 311-315.
7. Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К. Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 106-109.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. – М., 1996. – 447 с.
9. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 168 с.

Рецензенты:

Геляева А.И., д.ф.н., профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова», г. Нальчик;
Додуева А.Т., д.ф.н., профессор кафедры балкарского языка Института филологии ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова», г. Нальчик.